

В. КАТАЕВ***В Смольном (1960)**

Родион Жуков ходил по Смольному, разыскивая Ленина.

Недавно совершилась Октябрьская революция. Было образовано временное рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров.

Теперь Смольный, по-прежнему продолжая оставаться боевым штабом восстания и центром борьбы со всеми силами контрреволюции, начал понемногу приобретать также некоторые черты государственного учреждения с его обычной, не военной, а гражданской суетой, со стуком «ундервудов», звонками телефонов и даже «курьерами», которые разносили бумаги и чай, впрочем, не в стаканах, а в фаянсовых институтских кружках, иногда, очень редко, покрытых тоненьким ломтем черного солдатского хлеба.

По совету Павловской Родион Иванович сперва отправился в комнату, где временно на казарменном положении жили Владимир Ильич с Надеждой Константиновной.

Часовой — молодой солдат в черных обмотках, с узкими, напряженно-подозрительными глазами — вскинул винтовку, но, узнав известного потемкинца Жукова, тотчас отвел в сторону штык, и Родион Иванович заглянул в комнату. Она была пуста.

Родион Жуков увидел на подоконнике черную дамскую шляпку с воткнутой в нее длинной булавкой с шариком, а на стене — демисезонное пальто Владимира Ильича с потертой бархаткой на воротнике.

Эти самые шляпку и пальто Жуков видел еще до войны в Лонжюмо, под Парижем, где слушал лекции Ленина в партийной школе, и теперь, при взгляде на эти милые, постаревшие вещи, почему-то вдруг с особенной остротой почувствовал все значение того, что происходило сейчас в России.

---

* *Валентин Петрович Катаев* (1897–1986) — русский советский писатель, поэт, киносценарист, драматург, журналист, военный корреспондент. Главный редактор журнала «Юность» (1955–1961). Герой Социалистического Труда (1974). В школьную программу советского времени входила повесть «Белеет парус одинокий» (1936; экранизация, 1937). После войны продолжил «Белеет парус одинокий» повестями «За власть Советов» (1948; другое название «Катакомбы», 1951; одноименный фильм — 1956), «Хуторок в степи» (1956; экранизация, 1970), «Зимний ветер» (1960–1961), образующими тетралогии с идеей преемственности революционных традиций. Автор сценария сказки «Цветик-семицветик».

На лестницах, в высоких, узких, сводчатых, непомерно длинных институтских коридорах, в дортуарах, превращенных в караульные помещения и канцелярии, — всюду беспорядочно толпилось множество самого простого народа: мужиков в армяках и тулупах, в подшитых валенках и лаптях, обросших армейских делегатов, вооруженных рабочих, красногвардейцев с красными повязками на рукавах, матросов из Центробалта и Румчерода, среди которых Родион Жуков нередко узнавал товарищей по эмиграции.

В одном из коридоров на связке солдатских шинелей сидела в короткой жакетке поверх белой блузки с пленой грудью и в стоптанных ботинках Крупская и, отгоняя от себя рукой махорочный дым, отовсюду плывущий в воздухе, слушала нового народного комиссара просвещения Луначарского, который, топорща большими пальцами коротких рук дряхлый парижский жилет, развивал перед нею план коренной реорганизации народного образования в бывшей Российской империи.

Луначарский вдруг остановился на полуслове и стал близоручко всматриваться в Жукова сквозь мутные стекла старомодного пенсне с пружинкой, в резко-черной оправе, криво сидящего на его крупном дворянском носу.

— Надежда Константиновна, а ведь это Жуков!

— Конечно, — сказала Крупская, подавая Родиону Ивановичу руку. — А вы не знали, что он здесь?

— Пропащая душа! — воскликнул Луначарский. — Когда мы с вами виделись в последний раз? Дай бог памяти: на Капри у Горького в одиннадцатом или на вокзале в Неаполе?

— Не угадали. В Париже, в двенадцатом.

— Верно! В Лувре, не правда ли?

— Да, вы нам показывали Рубенса. Красиво говорили. Мы заслушались.

— Теперь не до Рубенса, — сказал Луначарский.

— Вы не скажете, где Владимир Ильич? — спросил Жуков.

— Какое время! Феноменально! — растроганно и возбужденно проговорил Луначарский, не слыша вопроса Жукова, но разглядывая самого Жукова, его старый, еще времен пятого года матросский бушлат, деревянную полированную кобуру маузера, чем-то напоминавшую новенький школьный пенал, георгиевскую ленту с почерневшей золотой надписью «Князь Потемкин-Таврический». — Да, «Потемкин». — На глазах Луначарского показались слезы. — Вы, Родион Иванович, теперь уже не человек. Вы памятник, легенда. Товарищи, смотрите: это — живое воплощение пятого года! — вдруг воскликнул Луначарский, оглядываясь

по сторонам и как бы приглашая в свидетели сотни людей, которые наполняли здание Смольного гулом своих голосов и шагов.

Жуков повторил вопрос, где сейчас находится Ленин, испытывая в то же время не менее сильное волнение, чем Луначарский, но никак не желая поддаться этому волнению.

— Всюду был, — сказал он. — Нигде нет. И никто не знает.

— Володя нынче ездил вместе с товарищем Свердловым в автомобиле в Главный штаб на прямой провод. Вы у Свердлова были?

— Был.

— Так сходите еще раз.

Едва Жуков начал спускаться по лестнице, как увидел Ленина в сереньком в мелкую клеточку пиджачке. Он бежал вверх навстречу Жукову, быстро мелькая по ступенькам ботинками «Вэра» и откинув в сторону руку, в которой держал моток телеграфной ленты.

Они чуть не столкнулись.

— Вы ко мне? — спросил Ленин, не узнавая Жукова в матросской форме. — Я же сказал, чтобы товарищи из армии и флота прежде всего направлялись прямо на третий этаж, к Дыбенко или Антонову-Овсеенко, наконец, к Кубе.

— Это я, Жуков.

— Ах, черт возьми! Не узнал вас в этом виде. Быть вам богатым.

Ленин подхватил на ходу Родиона Ивановича под руку и потянул за собою вверх по лестнице.

— Ну, что у вас? В двух словах!

— Да вот, хочу проститься: уезжаю.

— Куда?

— В Одессу, в Румчерод. Нас тут целая группа черноморцев.

— У Свердлова были?

— Был.

— Инструкцию получили?

— Получил.

— Имейте в виду, там обстановка ой-ой-ой!

— Знаем.

— Люди с вами едут надежные? Члены партии? Кого больше: рабочих или крестьян?

— Крестьян, пожалуй, будет побольше. Но, конечно, есть и рабочие. Настоящие пролетарии: рыбаки, металлисты, железнодорожники. Все делегаты съезда.

— За железнодорожниками посматривайте. Народ ненадежный. Викжель. Соглашатели, меньшевики.

— Мои надежные, — самодовольно усмехнулся Жуков.

Ленин резко остановился, слегка расставил короткие ноги, заложил руки за спину. Его лысая голова с громадным лбом

и рыжеватыми волосами на затылке была откинута, глаза строго, недоверчиво прищурены.

— Гм... вот как... Вы думаете, надежны?

Он как бы изучал Жукова, взвешивая слова, сказанные им.

Лицо Ленина не было похоже на лицо того Ленина, которого Жуков хорошо знал по Парижу и по Праге. Не было бородки и усов: они еще не вполне отросли после того, как Ленин их сбрил перед самым переворотом, отчего крупный рот и сильный подбородок Ленина были резко очерчены и делали его лицо еще более решительным, скуластым, протонародным. Если бы не сократовский лоб, его можно было бы смело принять за средних лет мастерового.

— А вы не ошибаетесь? — прищурился Ленин.

— Думаю, нет, — сказал Родион Жуков, любуясь Лениным, всей его маленькой фигурой с крепкой, очень широкой грудью и втянутым животом, на котором морщился жилет.

Все в Ленине нравилось Жукову, в особенности редкие, но стремительные движения рук, которые он то засовывал глубоко в карманы брюк, то закладывал за спину, то выбрасывал вперед.

— Пойдемте ненадолго ко мне, потолкуем. Я хочу у вас спросить одну вещь, — сказал Ленин. — Надя, ты уже виделась с Родионом Ивановичем? Он нынче уезжает на юг, в Одессу. Пришел прощаться.

— Видела, видела!

— Так пойдемте.

Ленин прибавил шагу, стараясь как можно незаметнее проскочить в толпе, которая, увидев его в коридоре, окружила со всех сторон и уже двигалась вместе с ним, с любопытством и гордостью рассматривая этого человека, вождя первой в мире социалистической революции.

Родион Жуков заметил, что Ленин слегка покраснел, но не от смущения, а от какой-то веселой досады.

Наконец они очутились в маленькой комнатке, где обычно работала на своем неуклюжем «ундervуде» Павловская, печатая первые декреты и указы Советского правительства.

Теперь в комнате никого не было. По-видимому, Павловская пошла в столовую обедать.

Они сели на стулья возле окна.

— Вот о чем я вас хотел спросить, уважаемый, — сказал Ленин, сильно упираясь обеими руками в колени, нагнувшись и пытливо глядя Жукову прямо в глаза. Он сделал маленькую паузу. — Скажите, как удержать власть? Что вы об этом думаете? А власть надо удержать во что бы то ни стало!

Этот вопрос через несколько дней после взятия Зимнего дворца, бегства Керенского, ареста Временного правительства — словом, после блестящей, молниеносной и почти бескровной победы пролетарской, социалистической революции — мог показаться весьма странным. Но Родион Иванович слишком хорошо чувствовал Ленина, чтобы не понять всю силу и глубину этого вопроса. В этом вопросе был весь Ленин с его предусмотрительностью, трезвостью мысли, остротой политического анализа, прирожденной нелюбовью ко всем и всяческому общим местам и полным отсутствием позы.

Среди всеобщего восторга великой исторической победы, которую так долго и так страстно ждали многие поколения русских трудящихся, легко можно было потерять голову. Это могло случиться со всяким, но только не с Лениным.

— Как удержать власть? — переспросил Жуков.

— Да, как? — спросил Ленин.

— По-моему, так же, как это бывает всегда во время революции: драться.

— Совершенно верно! — быстро сказал Ленин. — Я с вами согласен. Драться. Но какими силами?

— Армия, флот... — начал Жуков.

Ленин болезненно поморщился.

— Вы же знаете, что армия смертельно, адски устала. И, кроме того, еще многие воинские части находятся под сильнейшим влиянием всяческой контрреволюционной сволочи, а-ля правые эсеры, кадеты, Краснов, Корнилов... Вы знаете, что Керенский с войсками подошел к Гатчине? Так вот! Армию еще нужно повернуть целиком на нашу сторону. На это требуется время, а время не ждет. Флот я уже вызвал. Вот. — Ленин показал моток телеграфной ленты, который уже успел сунуть в карман пиджака. — Из Гельсингфорса идут военные корабли, «Республика» и миноносцы с оружием, десантом и продовольствием. Вот вы, например, военный моряк, правда бывший. Но у вас должен быть какой-то опыт. Как вы думаете: если миноносцы войдут в Неву около села Рыбацкого с тем, чтобы защищать Николаевскую железную дорогу и все подступы к ней, а «Республика» станет рядом с «Авророй», это даст нам какие-нибудь преимущества?

Ленин повернулся на стуле (стул скрипнул), привстал и посмотрел в окно, вдаль, как будто бы уже видел военные корабли, входящие в Неву.

Вечерело. За окном над Большой Охтой плыл холодный ноябрьский туман. Маячили размытые тени балтийских чаек. На фоне этого плывущего жемчужно-серого тумана и этих косо мелька-

ющих чаек лицо Ленина показалось Жукову вылепленным, как прекрасный барельеф, исполненный несокрушимой воли.

— Как хорош этот город! — мечтательно сказал Ленин, все еще продолжая, напряженно прищурившись, всматриваться в даль, в туман, и вдруг, повернувшись к Жукову, резко бросил: — Ну, есть ли резон отдавать его какому-нибудь пройдохе, вроде Керенского? — И почти без перехода: — Стало быть, вы считаете, что если «Республика» станет рядом с «Авророй», то мы будем иметь достаточный радиус для обстрела любой части города?

— Безусловно.

— Вы не ошибаетесь?

— А как же! Имею опыт. Когда в пятом году мы били с «Потемкина» по Одессе, то свободно хватало до Молдаванки и даже дальше.

— Это убедительно, — сказал Ленин, подумав. — Убедительно. Ну-с, так-с, значит, вы советуете драться? Так и поступим. По-видимому, впереди предстоит еще много боев: нам — здесь, а вам — на юге. По-моему, вам будет даже еще жарче, чем нам. Вы это, между прочим, учтите.

— Учту.

Ленин, блестя в сумерках глазами, коротко засмеялся своим альтом.

— Итак, подытожим: драться.

— Драться, Владимир Ильич.

— А у вас есть чем драться? — лукаво спросил Ленин.

— Вот, — ответил Жуков, похлопав по своему маузеру.

— Мало, — сказал Ленин строго, но в то же время с некоторым любопытством косясь на красивую деревянную кобуру маузера. — Вот вам главное оружие. — Он взял с подоконника газету. — Декрет о земле. Декрет о мире. Сколько экземпляров берете с собой?

— Порядочно.

— Покажите, покажите, сколько?

Жуков вынул из бушлата несколько экземпляров газеты.

— Всего! — разочарованно воскликнул Ленин. — Э, нет, батенька! Вы меня, вероятно, не поняли. Пойдемте-ка вниз.

Ленин пружинисто поднялся со стула и стремительно, несколько бочком, выскользнул из комнаты.

Жуков едва за ним поспевал.

...Они опустились по нескольким лестницам, где по-прежнему вверх и вниз двигались толпы людей, и наконец очутились в экспедиции.

Как раз в это время здесь несколько рабочих и балтийских моряков вносили со двора и укладывали под лестницу тюки и пачки

только что привезенных из типографии листовок с текстом декретов о земле и о мире.

Тут же Родион Иванович заметил Гаврика Черноиваненко и Марину.

Они, видимо, тоже ездили за листовками и теперь помогали выгружать тюки.

Неожиданно увидев перед собой Ленина, Гаврик остановился на месте с двумя тяжелыми пачками на плече.

Он видел Ленина всего один раз в жизни, и то издали, в тот день, когда Ленин появился на Втором съезде Советов, провозгласил Советскую власть и среди бури оваций поставил на голосование съезда те самые декреты, которые теперь держал на плече Гаврик.

— Это, Владимир Ильич, наше новое, революционное поколение. — сказал Жуков, показывая на Гаврика. — Молодой черногорец. Он нам еще в пятом году помогал.

Ленин с любопытством взглянул на Гаврика.

— Сколько же ему тогда было от роду?

— Лет девять, — ответил Жуков.

— Восемь, девятый, товарищ Ленин, — сказал Гаврик, шурясь на Ленина, как будто бы тот светился. — А потом я вам даже один раз письмо от группы одесских товарищей переправлял через одного знакомого человека. Адрес: Париж, четыре. Мари-Роз. Ульянову. Скажете, нет? — спросил он неожиданно совсем по-детски.

— Верно! — воскликнул Ленин и захохотал. — Был такой случай. Это когда вы никак не могли размежеваться с меньшевиками. — Видя, что пачки сползают с плеча Гаврика, Ленин подхватил их обеими руками и легко бросил на пол. — Вы солдат какой части? — спросил Ленин, искоса поглядывая на складную, аккуратную фигуру Гаврика в короткой и старой, но хорошо пригнанной пехотной шинели с матерчатыми погонами и в кожаной фуражке с облупившейся солдатской кокардой. — Самокатчик?

Ленина ввела в заблуждение кожаная фуражка Гаврика.

— Он у нас товарищ, так сказать, из разных частей, — подмигнул Жуков Ленину. — На все руки мастер, но главным образом по связи. Большую работу проделал в действующей армии. Дважды ранен. В партии с шестнадцатого года.

— Ого! Молодой, да из ранних! — засмеялся Ленин.

— Мой старый друг, — сказала Марина, коротко тряхнув головой в финской шапочке с черным кожаным верхом и кожаной пуговкой, из-под которой красиво выбивались каштановые, немного остриженные волосы. — Мы с ним, дядя Володя, вместе в Одессу едем.

— Мама в курсе? — спросил Ленин. — А то у меня смотри! — И погрозил пальцем.

Он знал ее совсем маленькой девочкой, в эмиграции в Париже, в Лонжюмо, в Швейцарии, и теперь ему странно и весело было видеть эту смелую, красивую, независимую девушку с револьвером на поясе, дочь Павловской, по-видимому влюбленную в складного солдатика-большевика с мальчишескими веснушками и рыжеватыми насупленными бровями, «мастера на все руки, а особенно по связи», здесь, в Смольном, через несколько дней после той революции, которой была посвящена вся его жизнь.

Узнав, что товарищ Ленин находится в экспедиции, сюда повалил народ со всего Смольного.

— А вот еще товарищ из нашей южной группы, делегат Румынского фронта, — сказал Жуков Ленину, заметив в толпе Акима Перепелицкого, накрест обмотанного пулеметными лентами и с двумя ручными гранатами за поясом.

— На! Аким Перепелицкий! Появился наконец! — воскликнул Гаврик. — Где пропадал? Почему я тебя не видел на открытии съезда? А еще делегат!

— Зимний брал с ребятами. Потом трошки постоял на втором заседании, проголосовал за мир и за землю и опять пошел с патрулями по городу, чтобы в случае чего давить любую контрреволюцию на месте. Товарищ Ленин, — сказал Перепелицкий, проталкиваясь к Владимиру Ильичу, — извините, знать вас, конечно, добре знаю и на съезде видел, но лично не имел случая. Так позвольте мне от имени солдат Румынского фронта и вообще от всех трудящихся юга пожать вам руку.

— Спасибо. Очень приятно. Передайте привет одесским большевикам, — сказал Ленин, крепко потряхивая руку Акима Перепелицкого.

— Передам непременно!

— И пусть одесские трудящиеся, не откладывая, берут власть в свои руки. Надо ковать железо, пока горячо. Да и еще вот что. Там у вас рабочие уже два месяца не получают заработной платы. Казначейство пусто. К сожалению, в настоящее время у нас у самих ничего нету, хотя мы и являемся русским правительством. Банковские чиновники саботируют и не желают давать деньги по нашим ассигновкам. Но можете быть уверены, что мы этот саботаж сломим вооруженной рукой, а саботажников будем беспощадно расстреливать, — Глаза Ленина сверкнули, сухая, желтоватая кожа на скулах натянулась, и крупный рот слегка очерился, обнажив крепкие зубы. — Тогда мы пошлем вам миллионов шестьдесят, чтобы вы незамедлительно расплатились

с одесским пролетариатом и ликвидировали всякую задолженность, потому что это — форменное безобразие. А пока убедите рабочих, что надо немного потерпеть. Они вас уважат. — Ленин улыбнулся. — Значит, товарищи, — прибавил он, обращаясь уже ко всем, — счастливого пути. И берите на дорогу, кто сколько может захватить. Не стесняйтесь. — Ленин стал срывать с пачек обертку, едко пахнущую керосином, брать листовки, аккуратно их складывать и с веселым, каким-то мальчишеским, как подумалось Жукову, озорством совать во все карманы Перепелицкого, Гаврика и Родиона Ивановича. — Берите, товарищи, берите. И помните, что сегодня в нашей стране, да и во всем мире, нету сильнее динамита, чем эти весьма понятные, простые русские слова: хлеб, земля, мир.

Делегаты стали разбирать листовки, класть их в вещевые мешки, ранцы, под сумки.

Ленин снова посмотрел на Жукова и вдруг как бы впервые увидел на его бескозырке георгиевскую ленту с золотыми, потемневшими буквами.

— А знаете, это очень хорошо, что вы надели свою старую форму. Носите ее, не снимая. Это тоже, знаете, своего рода динамит. «Потемкин-Таврический». Вы когда уезжаете?

— Ночью.

— Через Москву?

— Да.

— Там сейчас восстание юнкеров, уличные бои, опять Пресня, как в пятом. Вопрос: пропустит ли вас Викжель?

Не пропустит — сами пробьемся!

И верно. На бога надейся, а сам не плошай. Лучшая революционная тактика — наступательная. — Ленин взял Жукова под руку. Одна из самых крупных наших ошибок в пятом году состояла в том, что мы не довели дело до конца. Коли уж начали, то надо было драться и наступать до полной победы. Нерешительность — смерть восстания. Вы это должны знать на опыте «Потемкина». Надо было тогда идти до конца. Учтите это на будущее. Я думаю, вам предстоят уличные баррикадные бои.

— А мы надеемся на бескровную революцию, как здесь у нас, в Петрограде.

— Ну, не думаю, — сказал Ленин. — Еще неизвестно, что ждет нас здесь, в Петрограде. Не исключена крупная драчка. А у вас, на юге, дело не обойдется без большой крови. Это я вам предсказываю. Сейчас ситуация такова, что контрреволюция, потерпевшая поражение в центральных областях России, объединится и попытается взять реванш на периферии. Там к ее ус-

лугам всякие буржуазно-националистические организации, вроде Центральной Рады, «Сфатул-цэрия», дашнаков и прочее. Это все маски, под которыми будут выступать капитализм и кулачество. Буржуазный помещичье-капиталистический национализм — вот вам враг номер один. И запомните: лучшая и единственная тактика — наступательная. Зайдите ко мне несколько попозже, я вам дам письма к одесским большевикам и подпишу мандаты.

Когда, взяв у Ленина письма и мандаты, еще раз повидавшись со Свердловым и получив от него последние инструкции, самые новые сведения о положении в стране, взяв в канцелярии военного отдела железнодорожные литеры, попрощавшись с Павловской, Родион Жуков с вещевым мешком за плечами вышел мимо часовых — красногвардейцев и солдат петроградского гарнизона — во двор, под арками его уже ждали делегаты-южане, с тем чтобы всем вместе идти на Николаевский вокзал.

Марина, только что простившаяся с матерью и расстроенная этим коротким, деловым прощанием, в сапогах и в своей старой гимназической шубке с дешевым меховым воротником, подпоясанная солдатским ремнем с тяжелым наганом, сидела на своем швейцарском чемоданчике перед костром и, протянув к огню растопыренные пальцы, сушила варежки.

Гаврик стоял перед ней, опершись спиной о край трехдюймовки, и смотрел на ее милую, немного сутулую фигурку, на ее финскую шапочку, сапоги и блестящие от слез глаза, в которых отражался костер.

— Южная группа, становись! — скомандовал Родион Жуков.

Он проверил их всех по списку и вывел за ворота Смольного мимо освещенных кострами дежурных пулеметчиков, мимо броневика, в тусклых гранях которого угрюмо отсвечивал огонь, мимо ящиков с патронами, мимо артиллерийских передков, и их поглотил туман холодного балтийского ноября, плывущий над тревожно настороженным Петроградом.

А через неделю желтый пассажирский вагон второго класса с размашистой надписью мелом «Делегатский. Южная группа», задержавшись на несколько дней в Москве, где шли бои с юнкерами и горел большой дом на углу Никитской и Тверского бульвара, простояв двое суток в Киеве, захваченном гайдамаками, застрявши на сутки в Казатине, наконец прицепившись в Бирзуле к санитарному поезду, мимо горящих помещичьих экономий, сахарных заводов, станций, забытых солдатами с Румфронта, мимо дубовых роц с еще не опавшей ржавой тяжелой листвой, мимо черных замерзших украинских полей, белеющих по межам ранней порошей, мимо длинных ометов желто-бурой прошлогодней соломы, мимо

МИТИНГОВ, ДЫМОВ, НАБАТОВ, КРАСНЫХ ФЛАГОВ, РАЗБРАСЫВАЯ ПАЧКИ ленинских декретов о земле и мире, которые стаями разлетались во все стороны вокруг поезда, охваченный темнокрасной, как раскаленное железо, поздней утренней зарей ноября, наконец прибыл на станцию Одесса-Товарная...